

осуждал в других людях, то можно без преувеличений сказать: своей борьбой за чистое и всецелое служение правде Божьей Гоголь послужил, во всяком случае, не меньше (если не больше) русской жизни и ее задачам, чем в своем художественном творчестве.

ГЛАВА V

1. Мы закончили характеристику личности Гоголя и в этой последней главе хотели бы связать в одно целое то, что развивали в предыдущих частях книги, с пониманием его личности.

Гоголь был человеком гениальным, но гениальность его нельзя сводить только к одному художественному творчеству. С неменьшей силой его гениальность проявлялась и в работе его мысли, которая, хотя и не была вооружена необходимой техникой философской работы, развивалась смело и настойчиво. Гениальность Гоголя сказалась и в его религиозной жизни, в его мечтах и планах о преображении жизни, в его утопических построениях о «праведном хозяйствовании». Но надо признать: гениальность Гоголя «удалась», проявила себя и творчески закрепила то, что рождалось в недрах души, только в сфере художественного творчества. Здесь гениальность Гоголя — вне спора, здесь сила и значительность его творчества жива и действенна до сих пор. В других сферах — и в работе мысли, и в затеях реформаторства и «общего дела» — гениальность Гоголя сказалась больше в смелости, чем в законченных формах, чем в «свершении» того, чего искала душа Гоголя. Отчего? Конечно, главная причина этого лежала в самой эпохе — в страшном и роковом наследии секуляризма, который раздвинул Церковь и культуру, религиозную сферу и реальную жизнь. Этим разделением болели многие у нас, но только у Гоголя мы видим первые начатки того, что можно назвать идеей «православной культуры», т. е. перестройки всей жизни в духе Православия. Для Гоголя это не было делом конфессионального превознесения Православия, а было делом правды Христовой, дух которой сохранился в полноте именно в Православии. Гоголь с исключительной напряженностью стремился к тому, чтобы воссоединить с Церковью все формы культурного творчества; этой идеей он жил, ею вдохновлялся. Он не сумел построить цельное миросозерцание, охватываю-

щее все темы жизни, все проблемы истории, но он с исключительной глубиной чувствовал всю основоположность самой темы о возврате культуры к Церкви. Гоголя по справедливости надо считать «пророком православной культуры». Тема эта поставлена ныне всем ходом истории, она грандиозна по своей значительности и важности, но ее осуществление есть дело истории, а не усилий отдельных людей. Важно все же осознать самую тему, важно выдвинуть ее на первый план — и здесь нужна была та гениальная проницательность, которой обладал Гоголь, чтобы вопреки всей идеологии его эпохи, вопреки всему церковному сознанию его времени развивать самую тему.

2. Гоголь был и остался всю жизнь романтиком, он жил своими мечтами и грезами и не был просто наблюдателем жизни. Но будучи романтиком, Гоголь остро осознавал всю скучность, всю неправду жизни — его романтизм не ослабевал от соприкосновения с неправдами жизни, а, наоборот, становился глубже и настойчивее — сквозь видный миру смех душа его знала невидимые миру слезы. Оттого в романтизме Гоголя так часты нотки трагизма, оттого так неудержимо вырываются у него среди самого прозаического материала лирические излияния. Неверно думать, что художественное зрение Гоголя замечало в жизни только мерзости и неправду; думать так значит не замечать той тоски, того трагического напряжения, которое пронизывает все его произведения, все его творчество. В остром усмоктрении в жизни всякой неправды не было односторонности у Гоголя — скорее сказывалась здесь его моральная и эстетическая требовательность, с какой он относился к жизни, к людям. Яснее всего это выступает в том, что главным объектом его творчества было раскрытие людской пошлости. Здесь сказался основной в духовной жизни Гоголя (в первый ее период) эстетический подход к жизни, к людям. Высоко неся эстетическую отзывчивость человеческой души, веря в то, что в этой эстетической отзывчивости заложена возможность духовного преображения каждого человека, Гоголь с тем большей силой, можно сказать, страстностью вскрывал пошлость у людей.

Это доминирование эстетического начала в понимании людей и жизни, хотя и было навеяно немецкой романтикой, под влиянием которой развивался Гоголь в свои юные годы, но когда у Гоголя оформилось его эстетическое мировоззрение, оно стало развиваться уже из внутренних сил его души. Именно Гоголь придал русскому романтизму (что впоследствии было у Толстого, Достоевского, Чехова) тот эстетический подход к пониманию и оценке человеческой души, кото-

рый заключает в себе все своеобразие русского романтизма. Обращение к скрытым и глубоким движениям души есть общий симптом утонченности в понимании души всюду, но в русском романтизме постоянно чувствуется эстетическое отталкивание от пошлости и лицемерия и особое симпатическое вхождение в то, что касается «девственных сил» души, ее первичных, как бы изначальных райских движений.

3. Но эстетическое мировоззрение не могло насытить исканий Гоголя; его переход к религиозному мировоззрению был прежде всего и больше всего исканием всецелой и подлинной истины. Мы отмечали уже, что религиозный перелом у Гоголя был укоренен не в запросах его чувств, а в исканиях его мысли. Однако в Гоголе не было искусственного сосредоточения на чисто теоретической религиозной теме: истина была для него и путем активности, отвечала на его вопрос, как послужить «общему делу». В Гоголе проснулась психология реформатора, чисто литературное творчество перестало быть доминирующим в его внутренней жизни (как потом у Толстого). Путь Гоголя шел от созерцания к действованию, от узрения всякой неправды в жизни к преображению жизни. Это и было то «дело жизни», та тема реального действования, которая и вдохновляла и терзала его. Гоголь был во многом наивен, поскольку он не отдавал себе отчет в исторической текучести форм жизни, поскольку он хотел действовать в пределах социального и политического *status quo*. Но мечта Гоголя о преображении жизни и людей есть ведь коренная мечта XIX и XX вв., — здесь Гоголь, идя своим путем, касался самого основного вдохновения людей XIX и XX вв. Но именно потому темы Гоголя живы до сих пор, как основные темы нашего времени.

4. То, что особенно замечательно в Гоголе, это то, что он не сделал из религиозной темы предмет теоретических или художественных изображений, но хотел прежде всего найти правду для самого себя, осуществить эту правду в самом себе. Гоголь был не только гениален в своем творчестве, но он был замечателен как человек. Его личность раскрывалась не в одном художественном или идейном творчестве, — но в нем всегда было живо сознание, что он стоит перед Богом. Это его стояние перед Богом придает и жизни и творчеству Гоголя какую-то особую красоту. Все зигзаги в его жизни, вся аритмия в его творчестве никогда не отодвигала в нем сознания, что над миром и людьми есть Отец Небесный. Можно отвергать идеи Гоголя, его идеи о «праведном хозяйствовании», можно не разделять его сурового осуждения всякой пошлости, но нельзя не преклониться перед глубиной его стояния перед Богом, его жаждой стать лучше,

вместить ту правду, которая открывалась ему в сердце. Оттого Гоголь велик не только в своем творчестве, в своих исканиях, но велик и в своей жизни. Если о Пушкине было им же сказано (что повторил потом Достоевский), что Пушкин есть явление пророческое, то то же должно быть сказано и о Гоголе. В нем есть именно пророчество о том, как должно жить и действовать русским людям. В этом незабываемое значение Гоголя в истории русской культуры, русской жизни.